

Александра Анненская

Надежда семьи

Александра Никитична Анненская

Надежда семьи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2885885

Аннотация

«В небольшой, скудно меблированной комнате, игравшей роль и спальни, и детской, собралось все семейство бедного петербургского чиновника, Ивана Алексеевича Смирнова. Девочка лет двенадцати уселась на окно и, пользуясь светлыми июльскими сумерками, с жадностью читала книгу; мальчик лет восьми расставлял по столу какие-то странные фигуры, вырезанные им самим из бумаги и изображавшие в его игре солдат; двое других маленьких мальчиков окрутили веревочками ножки стульев и колотили тесемочными хлыстиками своих воображаемых лошадок. А мать убаюкивала на руках свою младшую трехмесячную дочь...»

Александра Никитична Анненская Надежда семьи

В небольшой, скудно меблированной комнате, игравшей роль и спальни, и детской, собралось все семейство бедного петербургского чиновника, Ивана Алексеевича Смирнова. Девочка лет двенадцати уселась на окно и, пользуясь светлыми июльскими сумерками, с жадностью читала книгу; мальчик лет восьми расставлял по столу какие-то странные фигуры, вырезанные им самим из бумаги и изображавшие в его игре солдат; двое других маленьких мальчиков окрутили веревочками ножки стульев и колотили тесемочными хлыстиками своих воображаемых лошадок. А мать убаюкивала на руках свою младшую трехмесячную дочь.

– Ну, что, заснула наконец девочка? – спросил у жены Иван Алексеевич, входя из соседней комнаты. – Мне надо с тобой поговорить.

– Да, она спит. Я сейчас к тебе приду, – отвечала Елизавета Ивановна.

Она бережно отнесла ребенка в его кроватку, стоявшую в заднем углу комнаты, и, захватив со стола разорванный детский чулочек, уселась у окна штопать его.

– Флегонт Михайлович отказал своему писарю, – начал

Иван Алексеевич, видя, что жена готова слушать его. – Он предлагает мне у себя работу. Писать придется по вечерам, часа полтора-два в день, а жалованья он дает сто рублей в год.

– Сто рублей немалые деньги, – задумчиво проговорила Елизавета Ивановна. – Нам бы они пришились очень кстати – только не тяжело ли это будет тебе? Ты и так хворал всю зиму, а доктор говорил, что тебе нужно поменьше заниматься.

– Что делать! Потружусь, пока хватит сил, – вздохнул Иван Алексеевич. – Надо же о них подумать, – он указал на детей. – Вон, Маше тринадцатый год пошел. В школе, говорят, она уже весь курс прошла; на эти деньги мы могли бы отдать ее в гимназию.

– В гимназию? – удивилась Елизавета Ивановна. – Что ты затеял! А я думала, что она теперь кончит ходить в школу да будет мне в домашней работе помогать. Одной мне уж очень трудно приходится: и с детьми нянчиться, и шить, и мыть на всех вас.

– Знаю я, что нелегко! Да ведь жалко девочку-то! Она такая способная, прилежная к учению! В школе ею не нахвалятся. Что ей делать дома? Учиться шить да детей нянчить? Это она и теперь уже умеет. А дадим мы ей средства кончить курс в гимназии, выйдет из нее образованная девушка, так она будет обеспечена на всю жизнь, всегда сумеет заработать кусок хлеба, да и нас поддержит на старости лет. Маша, хочешь поступить в гимназию?

Девочка была так занята чтением, что не слышала разговора родителей. При вопросе отца она быстро подняла голову и глаза ее засветились радостью.

– В гимназию? Еще бы не хотеть! – вскричала она. – Да разве это возможно?

– А тебе еще не надоело ученье? Хочется сделаться образованной барышней?

– Конечно хочется! И как еще! Да ведь и для вас хорошо будет, если я кончу курс в гимназии. Помните, тетенька рассказывала про одну свою знакомую барышню, которая училась в гимназии, а теперь дает уроки и получает шестьдесят рублей в месяц? И я также стала бы давать уроки и все заработанные деньги отдавала бы вам! А потом я могла бы учить братьев и сестер. Уж вам не пришлось бы платить за них в школу!

– Ишь сколько насулила! – с улыбкой заметил Иван Алексеевич. – Поверить ей разве на слово, Лиза, а? Может, и вправду не забудет нас, стариков?

– Знаешь, Маша, что для тебя делает отец? – обратилась к дочери Елизавета Ивановна. – Он хочет взять еще лишнюю работу, чтобы платить за тебя в гимназию!

Маша бросилась на шею отца; от волнения она не могла произнести ни слова, но по слезам, заблеставшим в глазах ее, по той нежности, с какой она ласкала Ивана Алексеевича, родители видели, что по крайней мере в эту минуту нельзя сомневаться ни в ее благодарности, ни в ее добрых намере-

ниях.

Иван Алексеевич взял предложенную ему работу и просиживал за скучною перепискою бумаг те вечерние часы, которые прежде проводил в кругу семьи, отдыхая от дневных трудов. Маша целые дни училась, приготавливаясь к экзамену, а Елизавете Ивановне приходилось одной и нянчиться с малюткой, и смотреть за старшими детьми, и шить на всю семью, и мыть детское белье, и помогать старой кухарке готовить обед. Она не жаловалась на это, но иногда говорила мужу:

– Учится наша Маша много, да кто знает, будет ли толк с ее ученья. А нам оно тяжело приходится: ты в эти дни как будто еще больше исхудал!

– Полно, оставь, не говори этого девочке, – отвечал Иван Алексеевич, – пусть себе учится, не надо мешать ей!

Маша очень удовлетворительно выдержала экзамен в четвертый класс гимназии. Она вернулась домой такая радостная и довольная, с таким оживлением мечтала о занятиях в гимназии и о своих будущих трудах на пользу семьи, что лицо Елизаветы Ивановны прояснилось и она стала без страха думать о превращении своей дочки в образованную барышню. Одно несколько смутило ее: заботы Маши о своем туалете.

– Маменька, – сказала девочка на следующее утро после экзамена, – в чем же я буду ходить в гимназию? Неужели в ситцевых платьях, как я ходила в школу? Ведь это, пожалуй,

нельзя!

– Что же делать, дружок! – отвечала Елизавета Ивановна. – У меня было припасено пять рублей тебе на шерстяное платье, да как заболела Лелечка, все пришлось истратить на доктора да на лекарство. Походишь и в ситцевом!

– Да это стыдно, маменька!

– Что же за стыд такой! В гимназии учатся не все богатые девочки, там, я думаю, есть и бедные; да и богатые ходят туда не для щегольства. Кто занят ученьем, тому и в голову не придет рассматривать, как одеты другие!

«Пожалуй, и в самом деле в гимназии не обращают внимания на одежду», – подумала Маша, успокоенная разумными словами матери.

Елизавета Ивановна своими руками вымыла и выгладила ей старое ситцевое платье, так что оно выглядело совершенно свеженьким, сшила ей новый передник, приготовила ей чистый воротничок и так искусно подштопала дырку на ее прюнелевых ботинках, что они совсем не казались изношенными.

Маша видела заботливость матери и была тронута. С радостным сердцем и самыми лучшими намерениями в голове пошла она в гимназию в день открытия классов. Она прежде училась в небольшой школе и потому не особенно смутилась, очутившись среди толпы незнакомых девочек. Она наперед знала, что эти девочки обратятся к ней с обыкновенными вопросами о том, как ее фамилия, где она училась

прежде и тому подобное, и без скуки раз тридцать повторила одни и те же ответы на эти вопросы. В первый день ей не удалось близко познакомиться ни с кем из новых подруг: девочки, как она, только что поступившие в гимназию, были застенчивы и неохотно вступали в разговор, старые же гимназистки не спешили сближаться с новичками. Несмотря на это, все в гимназии понравилось Маше, все: и светлые, просторные классные комнаты, и шумная толпа учениц всех возрастов в рекреационном зале, и деликатное обращение классных дам, и преподавание учителей. Она пришла домой в самом веселом расположении духа и в подробности рассказала все, что видела и слышала в гимназии. Родители с удовольствием слушали ее, и даже младшие дети бросили игрушки и молча уселись поближе к «гимназистке».

– Одна беда! – сказала Маша, окончив свой длинный рассказ. – Мне надо купить ужасно много книг. Посмотрите, папенька, какой длинный список: я думаю, это будет очень дорого!

– Не заботься об этом, дружок, – успокоил дочь Иван Алексеевич, – новые книги, правда, дороги, но я тебе куплю подержанные у букинистов – тебе ведь это ничего?

– Конечно, не все ли равно по каким книгам учиться! – проговорила Маша с подавленным вздохом.

Тотчас после обеда Иван Алексеевич отправился закупать книги. Долго пришлось ему ходить от одного букиниста к другому, пока наконец он приобрел на свои скудные сред-

ства все, что было нужно. Он вернулся домой утомленный и передал Маше толстую пачку книг. Книги эти были по большей части очень и очень подержаны. Видно было, что каждая из них перебивалась во многих руках и каждый владелец оставил на ней какой-нибудь знак: один испестрил чернильными пятнами, другой наделал на полях разных примечаний пером и карандашом, третий украсил все белые листы своими рисунками, четвертый бесчисленное множество раз надписал свою фамилию. Маша довольно сухо поблагодарила отца и с грустью уложила книги в ремешки, в которых носила в гимназию свои учебные принадлежности.

На следующий день она пришла в гимназию до начала классов и, чтобы не терять времени, тотчас начала повторять заданный урок.

– Что это такое? – вдруг обратилась к ней сидевшая рядом с нею девочка. – Ты говорила вчера, что твоя фамилия Смирнова, а на географии у тебя написано Разумовский! Это не твоя книга?

– Нет, моя! – сильно покраснев, ответила Маша.

– А на русской грамматике у нее написано Федотова! – подхватила другая соседка Маши. – Ты, верно, ходила по всем своим знакомым да собирала книги, какую кто даст?

Если бы Маша была поумнее, она прямо объяснила бы подругам, в чем дело, и без труда доказала бы им, как глупы их насмешки; но у нее не хватило на это ни смелости, ни догадливости. Она сконфузилась, растерялась и своим сму-

ценным видом еще больше подзадорила насмешниц.

– И не стыдно тебе с такими книгами ходить в гимназию! – вскричала третья девочка, подошедшая к говорившим. – Посмотрите-ка, что за гадость! – Она брезгливо приподняла со стола одну из книг Маши, действительно отличавшуюся особенным обилием чернильных и всяких других пятен, и показала ее собравшимся подругам.

– Господи! Я три года хожу в гимназию, а у меня нет ни одной такой запачканной книги! – заметила одна из девочек. – Как это ты можешь так пачкать свои вещи?

– Это совсем не я испачкала! – чуть не со слезами вскричала Маша. – Оставьте, пожалуйста, мои вещи в покое, что вам до них за дело?

Она сердито вырвала грязную книгу из рук девочки и принялась поспешно прятать все свои вещи в парту.

– Если не ты испачкала книги, значит, они не твои? – не унимались девочки.

– Тебе их дали Христа ради?

– Ты их купила на толкучке?

– Уж если ты покупаешь на толкучке книги, так могла бы заодно купить себе там и шерстяное платье: как это не стыдно ходить в гимназию в ситцевом платье, да еще в таком коротеньком! – презрительно заметила одна из старших девочек.

В эту минуту в комнату вошел учитель, и разговоры должны были прекратиться. Все девочки очень скоро позабыли и

Машины книги, и свои недобрые замечания о них. Но Маша не могла забыть насмешек подруг. Уже много раз приходилось ей страдать от бедности, много лишений уже перенесла она в жизни, но никогда еще бедность не казалась ей такою неприятною, такою унизительною, как теперь. Она тщательно запрятала все свои вещи в парту и не решалась вынимать их оттуда, чтобы не подвергнуться новым насмешкам; она сравнивала свой наряд с нарядом других девочек и стыдилась своего ситцевого платья, точно какого-нибудь дурного дела. Желание ее сблизиться с подругами пропало. Некоторые из них пробовали заговаривать с ней, но она отвечала им так сухо и коротко, что у них пропала охота поддерживать разговор.

В этот вечер в семье Смирновых уже не слышно было веселых рассказов Маши. Она не хотела огорчать родителей, сообщив им о своей неприятности, а говорить о чем-нибудь постороннем у нее не хватало духу. Сославшись на трудные уроки, заданные к следующему дню, она уселась со своими книгами подальше от всех, у маленького столика в углу комнаты. Отец и мать были каждый заняты своим делом, им некогда было следить за дочерью, иначе они удивились бы, что она так странно принимается за свои трудные уроки. Вместо того чтобы скорее и прилежнее учиться, она перелистывала свои книги, чистила их резинкой и перочинным ножом, завернула переплеты их в белую бумагу, из некоторых даже вырвала особенно грязные страницы. Благодаря кол-

ким замечаниям подруг, она мечтала уже не о том, как бы побольше и получше выучиться, а о том, как бы скрыть свою бедность, как бы выказать себя побогаче. Она кое-как приготовила уроки, заданные к следующему дню, но зато книги ее приняли – опрятный вид и не казались купленными на толкучке. Если бы она могла переменить и свое платье! Какое оно на самом деле гадкое! Вчера, только что вымытое и выглаженное, оно еще выглядело порядочным: сегодня оно уж очень смятое, а что будет завтра?!

«И неужели это мне в самом деле придется всегда ходить в ситцевых платьях и все надо мной будут смеяться?! Нет уж, надо, чтобы мама как-нибудь сшила мне шерстяное платье: я не хочу ходить в гимназию посмешищем для всех!» – С этими печальными мыслями заснула Маша поздно вечером.

Когда она проснулась на следующее утро, погода была отвратительная. Густые серые тучи покрывали все небо, шел мелкий, холодный дождь. У Маши не было теплого пальто. Она четыре года носила одно и то же драповое пальтецо; теперь оно было до того коротко и узко ей, что она не могла надеть его, и Елизавета Ивановна решила употребить его на теплое платье для младших детей. Маше она отдавала свое собственное пальто. Только его нужно было окрасить, так как от долгой носки оно порыжело, и перешить по фигуре девочки.

– Что, мама, мое пальто еще не готово? – спросила Маша, с грустью глядя в окно.

– Нет, голубчик, не готово, – озабоченно отвечала Елизавета Ивановна. – Я дважды ходила в красильню, обещали к завтраму непременно приготовить. Уж я, право, не знаю, как ты пойдешь в гимназию. Надень хоть мою кофту, ничего, что она старая, по крайней мере не вымокнешь!

– Ах, мама, мне стыдно идти в вашей кофте; она в заплатах, да и, главное, сидит на мне так гадко: рукава длинные, ворот мне широк!

– Что же делать, Машенька. Ты знаешь, что мы рады бы радешеньки одевать тебя хорошенько, мы не виноваты, что у нас средств не хватает! Все же лучше надеть хоть гадкую кофту, чем идти по такому дождю в одном платье!

Маша сознавала, что мать говорила правду. Она с тяжелым вздохом надела старую, неуклюже сидевшую на ней кофту и пошла в гимназию, с единственным желанием не встретить никого из подруг. Она шла быстрыми шагами, робко озираясь по сторонам; вот уже и дом гимназии, еще несколько шагов – и она у цели. «Слава богу, не видно никого из гимназисток: верно, еще очень рано!» Она несколько бодрее пошла вперед, но – ах! – только что она подошла к подъезду гимназии, у тротуара остановились извозчичьи дрожки, две девочки выпрыгнули из них и догнали ее на первых же ступенях лестницы.

– Кто это такой? – вскричала одна из них, заглядывая в лицо сконфуженной Маше. – Смирнова! Что это на тебе надето?

– Оставь ее! – прервала другая девочка. – У нее и книги чужие, и платьев, должно быть, также нет своих!

Обе девочки с громким смехом побежали наверх, а Маша, чувствуя себя униженной и оскорбленной, тихо поплелась за ними.

И этот день ее гимназической жизни был испорчен, как предыдущий. Она опять сторонилась подруг, боясь насмешек даже от тех из них, которые неспособны были оскорблять человека за то, что он беден; она опять не могла сосредоточить своего внимания на уроках учителей, не могла избавиться от тяжелых мыслей о своем несчастном положении.

В следующие дни дело шло не лучше. Маша всегда была тщеславна. Насмешки глупых девочек действовали на нее сильнее, чем следовало. Мысль, что она беднее, «хуже» других, страх новых оскорблений не давали ей покоя. Иногда ей приходило в голову бросить учение, перестать ходить в гимназию; в другой раз она мечтала отличиться чем-нибудь особенным и отомстить насмешницам; но чаще всего она придумывала, как бы устроить так, чтобы казаться богатой, чтобы одеваться покрасивее и приобрести разные безделицы, которыми хвастались другие.

Не все девочки класса Маши были так грубы и легкомысленны, как оскорблявшие ее насмешницы. Многие из них сами принадлежали к небогатым семьям и умели сочувствовать ближним; другие получили дома хорошее воспитание и понимали, как непростительно насмехаться над бедностью;

третьи, наконец, занятые учением, не имели ни времени, ни охоты заниматься нарядами или наружностью подруг; они заметили, что Маша девочка не глупая, познакомились с ней и старались сблизиться. В их обществе Маша могла бы очень приятно проводить время, но, к сожалению, в классе находилось пять-шесть человек, всегда готовых напомнить ей ее положение.

– Я уверена, что Смирнова врет, будто отец ее чиновник, – толковали в одном кружке, не замечая, что она стоит подле. – Она, должно быть, просто дочь каких-нибудь мастеровых, оттого она такая и бедная!

– Я бы подружилась со Смирновой, она мне нравится, – говорила одна девочка своей подруге, – только маменька не позволяет мне дружиться с дурно одетыми детьми: у них гадкие манеры.

– Господа, – кричала одна шалунья, – смотрите-ка, Смирнова надела сегодня другое платье, еще короче того! – И она со смехом указывала на Машу, сменившую одно ситцевое платье другим. Маша краснела, конфузилась и чувствовала себя бесконечно несчастной.

Один раз учитель арифметики вызвал ее к доске разрешить заданную им задачу. Маша очень хорошо понимала эту задачу – она разрешила ее быстро и безошибочно – и только что собиралась объяснить учителю ход своей работы, как вдруг ее развлек тихий смех подруг. Она оглянулась и увидела, что две девочки, сидящие на первой скамейке, показыва-

ют своим соседкам на ее ноги и сдержанно хихикают. Маша опустила глаза. Увы! Штопка, так тщательно сделанная Елизаветой Ивановной, лопнула, и на одном из ее сапожков красовалась довольно большая дыра. Бедная девочка совершенно переконфузилась. Все, что она собиралась сказать, вылетело у нее из головы. Она стояла вся красная и вертела в руках мел, не находя ни слова в ответ на вопросы учителя, едва ли даже слыша эти вопросы.

Учитель не мог, конечно, догадаться о причине ее смущения и объяснил его по-своему.

– Вы, кажется, сами не знаете, что написали на доске, госпожа Смирнова, – строгим голосом заметил он. – Садитесь на место и в другой раз старайтесь работать самостоятельно, понимать, что вы делаете.

Этот строгий выговор и дурная отметка в журнале, последовавшая за ним, еще более смутили бедную Машу. Она пришла домой огорченная, рассерженная, вся в слезах и, встретив в первой комнате мать, тотчас же принялась жаловаться ей на свои неприятности.

– Право, так невозможно учиться в гимназии, – говорила она, рыдая. – Я совсем точно нищая! Посмотрите, маменька, какая у меня дыра в сапоге, ведь это просто срам!

– Что это с тобой, Машенька! – удивилась Елизавета Ивановна. – Сапоги разорвались? Что же за большая беда? Купим новые! И какой же тут срам? Я думаю, это со всяким случается!

– Да не это одно, а все вообще!.. Как я одета! Кроме меня, ведь у нас никто не носит ситцевых платьев; надо мной все смеются!

– Неужели в самом деле смеются? – с огорчением спросила Елизавета Ивановна. – Смеются над тем, что ты беднее их? Хороши образованные барышни, нечего сказать!

– Конечно, это глупо с их стороны, а все-таки мне очень-очень неприятно! – недовольным голосом проговорила Маша и, отойдя в угол, продолжала потихоньку плакать.

Елизавета Ивановна еще прежде замечала, что Маша стала раздражительна, что она брезгливо относится к домашней обстановке и сидит в кругу семьи нахмуренная, надутая. Она приписывала дурное расположение девочки усталости от непривычных усиленных занятий уроками и не расспрашивала ее; теперь она поняла, в чем дело.

– Ну, вот, – со вздохом проговорила она, – моя была правда: не для чего тебе было поступать в гимназию, не про нас это писано, куда уж нам равняться с другими!

– Нет, маменька, я могу учиться в гимназии! – вскричала Маша. – Только я не могу ходить туда нищей. Я ведь немного у вас прошу: неужели вы в самом деле не можете сшить мне хоть одного порядочного платья?

В первый раз говорила Маша таким образом с матерью. До сих пор она всегда понимала, насколько родителям ее трудно содержать такую большую семью. Елизавета Ивановна с горестью почувствовала эту перемену в обращении дочери.

– Бог с тобой, Машенька, – обиженным тоном проговорила она, – точно ты не видишь, что мы с отцом работаем с утра до ночи и лишней копейки на себя не тратим!

Упрек матери пристыдил Машу, но сознание вины еще усилило ее грусть. Не счастливее ее была и Елизавета Ивановна: она понимала, что Маша могла бы несколько иначе отнестись к насмешкам подруг, что она могла бы оставить их без внимания, что она могла бы объяснить девочкам, насколько они неправы; но такое благоразумие казалось ей слишком трудным в Машином возрасте, ей до глубины души жаль было дочь, и она всеми силами старалась придумать, как бы помочь ей. Она озабоченно оглядывала скудную мебельровку своих двух комнат, как будто стараясь отыскать, которую из вещей, находившихся в них, можно выменять на платье Маше; затем она подошла к старенькому треногому комоду, припертому к одной из стен спальни, выдвинула поочередно каждый из его ящиков и задумчиво перебрала лежавшие в них вещи. Вдруг в глазах ее блеснула радость.

– Не горюй, Машута, – обратилась она с веселым лицом к дочери, – у тебя будет платье, я совсем и забыла, что у меня лежит полотно, которое Лелина крестная подарила ей на белье. Сейчас пойду и продам его.

– Да ведь вы говорили, что оно нужно Лелечке, – нерешительным голосом заметила Маша.

– Ну, что делать, как-нибудь обойдемся!

Маша чувствовала, что она не должна допускать мать оби-

жать ради нее младшую сестру, но искушение явиться в гимназию не хуже других было слишком сильно, и она поддалась ему. Она ни словом не удержала Елизавету Ивановну, спешившую скорей устроить продажу, и когда та через час вернулась домой и подала ей вырученные за полотно восемь рублей, та сильно покраснела, но все-таки с радостью приняла деньги. Через три дня Маша пришла в класс в новом шерстяном платье, за шитьем которого Елизавета Ивановна просидела две ночи почти без сна. Совесть мучила девочку, когда она видела истомленное лицо матери и ее опухшие от бессонницы глаза, но она все-таки не раскаивалась в своем поступке, все-таки радовалась, что какую бы то ни было ценой избавится от насмешек.

Пришла осень. В прошлый год Маша спокойно носила соломенную шляпку, пока пришла пора надевать меховую шапочку; но нынче она нашла, что это «стыдно».

– Маменька, скоро ли вы мне купите осеннюю шляпку? – спросила она у матери, возвращаясь из гимназии в один сентябрьский день.

– Что ты, Машенька! – вскричала Елизавета Ивановна. – Я тебе к рождеству купила мерлушковую шапочку, нынче летом сделала новую соломенную шляпку. Да из каких же это средств тебе покупать по три шляпки в год! Ведь ты у нас не одна! Вон смотри, братья твои чуть не без сапог ходят, я хлопочу, у кого бы занять им на обувь, а ты говоришь – шляпку тебе!

– Я не могу ходить в гимназию в соломенной шляпке, – надувшись, проговорила Маша.

– Да отчего не можешь? Ведь вы же не в шляпках сидите в классе?

– Конечно, не в шляпках, да ведь на улице встречаются девочки! Я не хочу, чтобы меня принимали за нищую. Я уж лучше буду сидеть дома, пока настанут морозы и можно будет надеть меховую шапочку!

На следующий день Маша в самом деле не пошла в гимназию, хотя ей это было очень неприятно.

– Маша, ты отчего это не была в гимназии? – спросил у нее за обедом Иван Алексеевич.

Она повторила отцу то же, что говорила матери, – что не может идти в гимназию без новой шляпки. Иван Алексеевич задумался.

– Экая беда какая! – озабоченным голосом проговорил он. – Как тут быть? У тебя разве нет денет? – обратился он к жене. – Ты вчера говорила, что займешь у Мироновой?

– Я заняла детям на обувь. Пол у нас холодный, того и гляди, простудятся, бегая в разорванных сапогах, – недовольным голосом отвечала Елизавета Ивановна.

Маша не стала просить мать, но в течение вечера она несколько раз принималась горько плакать. Иван Алексеевич видел эти слезы своей любимицы, и они мучили его. Он сознавал, что жена его права, что младшим детям обувь нужнее, чем Маше шляпка, но не мог выносить печали девоч-

ки. Несколько раз он начинал переговоры с Елизаветой Ивановной и наконец, когда Маша пришла прощаться с ним, перед сном шепнул ей: Радуйся, девочка, мать сдалась! Завтра утром она пойдет с тобой покупать шляпку!

Через день Маша пошла в гимназию в новенькой шляпке, а маленьким братьям ее пришлось еще недели три щеголять с огромными дырками на сапогах. На этот раз она уже почти не стыдилась своего дурного поступка.

«Не беда, если им и босиком придется походить, – думала она, глядя на братьев, – ведь их никто не видит».

Через несколько дней Маше понадобилась дорогая французская книга, и она прямо объявила отцу:

– Надо купить ее в магазинах, папа. Пожалуйста, не покупайте у букинистов!

Иван Алексеевич пошел заложить свой сюртук, чтобы удовлетворить ее желанию, и она приняла это совершенно спокойно. Классная дама того класса, в котором училась Маша, выходила замуж и оставляла гимназию. Воспитанницы затеяли поднести ей на память альбом со своими фотографическими портретами. Маша, нисколько не задумываясь, приняла участие в этом подарке и тут же пообещала подругам снять с себя и раздать им около дюжины своих фотографических карточек.

В гимназии собирали подписку с какою-то благотворительною целью – Маша, не колеблясь, пожертвовала наравне с богатыми девочками, хотя вследствие этого семье ее при-

шло на три дня отказаться от мясной пищи. Пришла зима. Маша забросила свои старые, заплатаанные теплые сапожки и потребовала себе новых. Она не соглашалась носить на голове действительно довольно некрасивую вязаную косынку и, несмотря на сильные морозы, ходила с открытыми ушами, пока мать, боясь, что она простудится, не продала своей единственной нарядной вещи – шелковой кофточки и не купила ей такой платок, какого ей хотелось.

Елизавета Ивановна не попрекала дочь, но она часто с грустью глядела на нее и не раз говорила мужу:

– Дорого нам дается Машино ученье! И прежде трудно было жить, а теперь еще труднее стало! Все ей, да ей одной приходится делать – а ведь у нас и другие дети подрастают! За что мы их-то обижаем?

– Полно, – останавливал жену Иван Алексеевич, – потерпим немного! Маша за все вознаградит и нас, и младших детей!

– Долго еще этого ждать, да и дождемся ли когда-ни-нибудь? – вздыхала Елизавета Ивановна.

– Конечно, дождемся, – уверял Иван Алексеевич. – Маша еще ребенок, она часто не понимает наших нужд, но она видит, что мы для нее ничего не жалеем, и в свое время также ничего для нас не пожалеет.

Приближалось рождество. Один раз Иван Алексеевич пришел домой в особенно веселом расположении духа.

– Радуйся, жена, – сказал он, усаживаясь после обеда под-

ле Елизаветы Ивановны, – мне к празднику дадут пятьдесят рублей награды!

– Неужели! Господи, вот-то счастье, – вскричала Елизавета Ивановна и даже покраснела от радости. – Хоть немножко мы поправимся! В лавочку долг заплатим, дров хороших сажени три купим, а то эти-то, дешевые, такие сырые, несколько не нагревают печку; платье заложенное выкупим, куме долг заплатим...

– Ишь ты сколько наговорила! – смеясь, прервал Иван Алексеевич. – Да по твоим счетам и ста рублей, пожалуй, мало будет! Нет, вот я тебе что скажу: сорок рублей я тебе дам, ты из них плати долги и покупай что нужно для хозяйства, а уж десять рублей я себе оставлю: ты знаешь, рождество – детский праздник, надо же нам своих ребят чем-нибудь потешить, хоть по безделице я куплю всем им!

– Ну, это, положим, баловство! – отвечала Елизавета Ивановна, но по лицу ее видно было, что она говорит не искренно, что сама она рада-радешенька чем-нибудь порадовать детей.

Получение лишних пятидесяти рублей было важным событием в семье Смирновых. Елизавета Ивановна составила длинный список всех необходимых вещей, какие следовало купить, и принялась высчитывать, можно ли сделать их на сорок рублей. Оказалось, что денег этих не хватало и на половину «крайне необходимого». Пришлось сокращать список и от многого отказаться. Елизавета Ивановна долго сооб-

ражала, обдумывала, высчитывала, и по пальцам, и с помощью карандаша, и наконец осталась довольна: все нетерпящие долги можно было уплатить, затем оставалось довольно денег и на дрова, и на выкуп заложенного платья, и на покупку двух-трех вещей, в которых чувствовался особенный недостаток, и, наконец, что было всего приятнее для доброй женщины, после всех этих затрат она могла сэкономить еще рубля два-три и на них купить подарок Ивану Алексеевичу. Делать мужу подарки было величайшим удовольствием для Елизаветы Ивановны. В первые годы после свадьбы, когда семья была меньше, она зачастую брала тайком от мужа какую-нибудь работу и на вырученные деньги покупала ему к празднику какую-нибудь безделку. В последнее время она была лишена этого удовольствия. Домашней работы у нее было так много, что едва хватало времени исполнить ее; да если бы ей и удалось заработать какую-нибудь копейку, она не могла бы истратить ее по своему желанию, когда семья нуждалась так часто в самом необходимом. И вот наконец неожиданное счастье! В ее распоряжении будет целых три рубля! Много хороших вещей можно купить на эти деньги, надобно только придумать, что доставит больше удовольствия Ивану Алексеевичу. И Елизавета Ивановна думала и передумывала! Но это были все приятные мысли, от которых улыбка часто появлялась на бледных губах ее, а неутомимые руки ее быстрее прежнего справляли свой нескончаемый ряд работ. Иван Алексеевич также часто приятно улыбался, меч-

тая о награде. Та сумма, которую он назначал на подарки детям, была очень ничтожна, но ведь и дети были невелики, а главное – не избалованы роскошью. И Иван Алексеевич заранее восхищался, воображая себе, какую радостью загорятся все эти маленькие глазки, когда он покажет им свои сюрпризы. Самый дорогой подарок он назначил, конечно, Маше, как старшей, и не раз опаздывал он к обеду, чтобы пройтись мимо магазинов и выбрать, которая из вещиц, разложенных и развешанных на окнах, может особенно понравиться тринадцатилетней девочке.

Дети как-то провели про деньги, ожидаемые отцом, и заволновались.

– Папа разбогател, – шептались мальчики, усевшись на полу в дальнем углу комнаты. – Он нам уж верно купит много игрушек!

Вася, старший из трех братьев, по нескольку раз в день отпрашивался у матери гулять и все бегал к окну игрушечного магазина, чтобы выбрать, чего пожелать. Наконец его желание сосредоточилось на одной вещи – на большом картонном ящике, в котором лежало множество раскрашенных солдат, несколько пушек и штук десять прекрасных палаток. Все это было сделано из бумаги, но отлично разрисовано, и под каждой штучкой была подклеена маленькая деревянная дощечка, чтобы она могла стоять на столе. Вася с восторгом описал братьям чудную игрушку и целых два дня ни о чем, кроме нее, не мог думать.

– А вдруг это неправда, что папа разбогател! – волновался он. – Вдруг он и в нынешнем году, как в прошлом, ничего не подарит нам, а если подарит, да вдруг что-нибудь другое.

Наконец мальчик не выдержал и с сильно бьющимся сердцем пересказал отцу свои надежды и опасения. Иван Алексеевич засмеялся.

– Ну, потерпи немножко, мой молодец, – сказал он, лаская мальчика, – скоро придет рождество, тогда уж мы этих солдат возьмем в плен и с палатками их, и с пушками!

– Папа, ты и мне что-нибудь подаришь? И мне? – кричали младшие мальчики, теребя отца.

– Не бойтесь, никого не забуду, – весело отвечал Иван Алексеевич, – дайте дождаться праздника, всех вас обрадую!

И дети заранее веселились, мечтая о будущем.

Одна Маша не принимала участия в общем оживлении семьи, хотя знала причину его. Напротив, чем ближе подходило время к рождеству, тем печальнее становилась она. Наконец один раз (это было именно в тот день, когда Иван Алексеевич принес свои наградные деньги и когда он, вследствие этого, был особенно весел) она пришла к обеду с такими красными, заплаканными глазами, что отец и мать в один голос вскричали:

– Машенька, что это ты? Что с тобою случилось?

– Ничего, – печальным голосом проговорила девочка, и во весь обед от нее не могли добиться ни слова больше.

Вечером Иван Алексеевич и Елизавета Ивановна опять

принялись за допросы. Сначала Маша упорно молчала, но наконец она разразилась слезами и вскричала:

– Ах, я такая, такая несчастная!

– Да что же с тобою случилось? Какая такая беда? – тревожно спросил отец.

– Ты нам расскажи свое горе, – увещала мать, – может быть, мы вместе и придумаем, как ему помочь.

– Нет, вы не сможете, уж я знаю, что не сможете! – слезливо говорила Маша.

– Да ты попробуй, расскажи!

– Ну, вот видите, у Любочки Петровой – это моя самая лучшая подруга – будет накануне рождества елка и детский бал; она приглашала очень многих из наших гимназисток, и все пойдут, только мне одной нельзя, а там будет так весело, так хорошо!

– Да отчего же тебе-то не идти к ней, Машенька? – заметила Елизавета Ивановна. – Надеть нечего? Так ведь папенька хотел сделать тебе подарок к празднику. Попроси, чтобы он купил аршин пятнадцать кисеи, я сошью тебе прехорошенькое платьице.

– Нет, мама, благодарю: я уж лучше совсем не пойду, чем идти так, чтобы на меня все пальцем указывали. Другие девочки будут в настоящих бальных нарядах, с цветами на голове, а я вдруг явлюсь в кисейном платьице допотопной работы! Нет, уж не надо! Пусть другие веселятся, где мне, несчастной, с ними равняться! – Девочка положила голову

на стол и снова зарыдала.

– Конечно, тебе нечего равняться с богатыми, – заметила Елизавета Ивановна и отошла от дочери, полуопечаленная ее горем, полусердясь на ее малодушие. Иван Алексеевич хотел также отойти, но не мог. Рыдания Маши слишком больно отзывались в его мягком сердце.

«Молода она, конечно, повеселиться хочется, да и тяжело сознавать себя всегда хуже других!» – думалось ему. Он сел подле девочки и старался нежными ласками утешить ее. Не тут-то было.

– Папенька! – вскричала Маша. – Зачем вы говорите, что жалеете меня, что готовы все для меня сделать! Ведь вы очень можете доставить мне это удовольствие, однако же не доставляете.

– Да как же я могу, Машенька?

– Очень просто: ведь вы говорили, что получите к рождеству пятьдесят рублей награды?

– Так-то так, голубчик, да только деньги эти у нас уже все заранее распределены.

– Ну, да, я знаю! Маменька мечтает купить березовых дров, да чайных чашек, да еще чего-то в этом роде, а вы собираетесь надарить разных пустяков мальчишкам! Конечно, для меня у вас нет денег!

– Но ведь, послушай, Машенька!..

– Папенька, что вы меня уговариваете! Я ведь ничего у вас не прошу! Я даже не хотела рассказывать вам, о чем я

плачу, вы сами начали меня допрашивать! Мне ничего от вас не нужно... Только я все-таки очень и очень несчастна!

Иван Алексеевич сильно задумался и начал про себя соображать, что может стоить бальный наряд девочки и какими из предложенных покупок можно для него пожертвовать.

Хотя Маша и сказала, что не хотела рассказывать родителям о своем горе, но на самом деле она беспрестанно заговаривала о нем и с отцом, а главное – с матерью.

– Ведь все равно, – говорила она Елизавете Ивановне, – те деньги, что папенька взял себе, уйдут на пустяки: на лошадок да на солдатиков для братьев. А мне бы так хотелось побывать у Петровой! У нас все девочки уже несколько раз бывали на балах, а я даже не знаю, что такое бал! Если бы папенька подарил мне свои десять рублей, да вы дали бы мне рубля два-три, так, пожалуй, мне и хватило бы.

И вот желание Маши исполнилось. Елизавета Ивановна скрепя сердце пошла с ней по магазинам покупать необходимые для бала вещи. Тринадцати рублей, которые просила сначала девочка, оказалось далеко недостаточно: одно платье стоило пятнадцать рублей, да к нему понадобился широкий пояс из лент, да перчатки, да новые ботинки, да убор головы у парикмахера. Маша с необыкновенным оживлением распоряжалась всеми приготовлениями к предстоящему удовольствию, она была весела, как птичка, и нарочно старалась не замечать грустных взглядов, которые бросал на нее отец, и того неудовольствия, с каким мать отдавала ей рубль

за рублем из своего сокровища. Больше половины денег, полученных Иваном Алексеевичем в награду, пришлось истратить на ее прихоти, остальные пошли на уплату долгов да на покупку дров; о подарках младшим детям, о том, чтобы доставить какое-нибудь удовольствие самим себе ни отец, ни мать не могли и думать.

Настал вечер сочельника. В восемь часов к домику Смирновых подъехала карета, – это одна из Машиных подруг захотела взять ее с собою. Маша, целый час перед тем вертевшаяся перед зеркалом, охорашивая свой наряд и любуясь собой, наскоро попрощалась с родителями и побежала садиться в карету. Отец и мать стояли у окна и провожали ее глазами. Мальчики приютились тут же и с любопытством поглядывали и на отъезжающую сестру, и на ярко освещенные окна противоположного дома.

– Папа, – вскричал шестилетний Миша, – смотри-ка, там, напротив, уж зажгли елку! Когда же ты нам подаришь игрушки? Теперь пора!

– Я уж очистил на столе место для солдатиков, – сказал Вася, заискивающими глазами поглядывая на отца.

Ивану Алексеевичу было очень тяжело, что он обманул надежды детей, что он ничем не мог порадовать их.

– Милые мои! – с усилием выговорил он. – Нет у меня для вас игрушек, потерпите, когда-нибудь я и вас потешу! – И он отвернулся, чтобы не видеть грустно недоумевающего выражения, с каким дети слушали его слова, чтобы не видеть

слез, брызнувших из глаз их.

– Да, нечего сказать, не так думали мы встретить нынче праздник! – со вздохом проговорила Елизавета Ивановна. – Зато дочка-барышня в карете поехала!

– Не сердись на нее, – кротко заметил Иван Алексеевич, – ведь она еще ребенок, сама не понимает, что делает; вырастет большая, за все нас вознаградит!

– Ах, полно, пожалуйста, не говори ты мне этого! – вскричала Елизавета Ивановна. – Уж если теперь у нее нет никакого желания потешить чем-нибудь маленьких братьев или избавить от лишней работы отца с матерью, так большая вырастет – еще хуже будет! Теперь она стыдится перед такими же девчонками, как сама, признаться, что отец ее бедный, а вырастет – и отцом не захочет считать бедного человека!

Иван Алексеевич опустил голову.

– Господи, неужели это правда?! – тихо прошептал он. – А ведь я так люблю ее! – И он сам не заметил, как две слезы медленно скатились по щекам его.

Итак, Маша была на балу у своей подруги и была в настоящем бальном платье. Она одна из всей семьи встречала праздник среди веселья. Но было ли ей самой весело?..